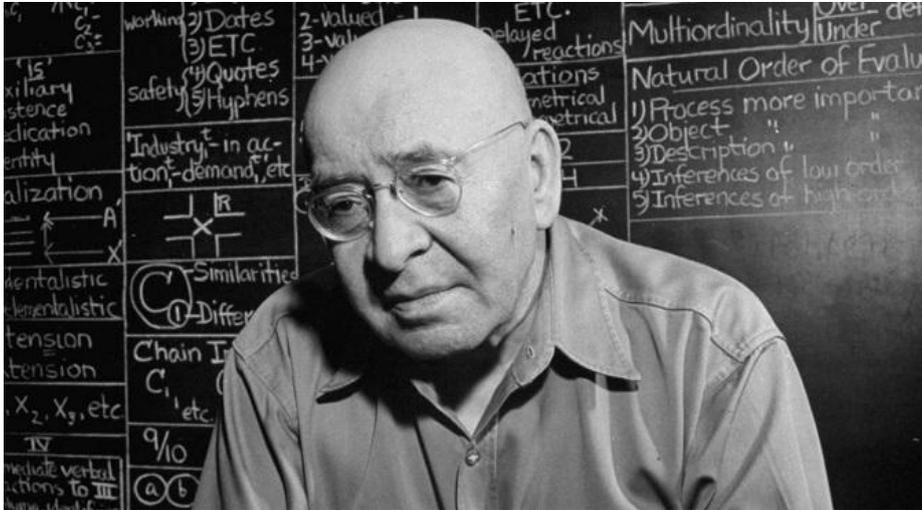

Наследие Коржибски: Что это? Как нам его передать?

Брюс Кодиш

Наследие Коржибски: что это? Как нам его передать? Учитывая то, как я употребляю здесь термин наследие, как “передаваемое предшественником нечто”, в наследии Коржибски имеется несколько аспектов. Частично, оно состоит из осязаемых объектов: артефактов и архивов. Частично – из самого Института Общей Семантики. Однако, большей частью, я хочу сфокусироваться на том, чему Коржибски учил – на наследии обширной системы формулировок, известной как ОС (‘общая семантика’). Коржибски рекомендовал при изучении чьих-либо трудов: “... читайте не только то, что читаете, но и изучайте автора”.¹ То есть, приложите усилия к тому, чтобы проникнуть к авторам в мысли, узнайте, с какими проблемами они имели дело, какие вопросы задавали, что они хотели сказать. Что ж. Я изучал автора, и хотел бы поделиться с вами тем, что я узнал о работе Коржибски. Из чего состоит ядро того, чему он учил, его наследие? К чему оно пришло в настоящем? Что мы можем сделать, чтобы его передавать?

Приблизительно в конце 1919 или в начале 1920 года, Коржибски – живший тогда в Нью-Йорке – стоял на вершине Вулворт Билдинг, самого высокого здания в мире на тот момент. Он уже провёл полжизни наблюдая за недалёковидностью людей (включая и свои недалёковидные поступки). Как он говорил: “Меня попросту достала человеческая глупость”.² Пока он любовался видом, в его мыслях зрело два вопроса; эти вопросы витали вокруг его головы на протяжении его почти 40 лет. Первый вопрос пришёл к нему на ферме его семьи в Польше, где он, будучи мальчиком начал наблюдать за животными и людьми. У него не было сомнений в том, что животные, такие как лошади умели ‘думать’. Будучи опытным наездником и дрессировщиком лошадей, он знал лошадей, которые, как ему казалось, были ‘благоразумнее’ людей, которых он знал. Он также вспоминал крестьян, которые жаловались на чрезмерные требования по работе: “Хозяин, мы же не животные”.³ Эта мысль

¹ Коржибски *Одна из Биографий*, с. 8 [в оригинале]

² Там же., с. 9

³ Там же., с. 26

задержалась: *Чем животные отличались от человека?* С тех пор как закончилась Первая мировая война, которую он испытал непосредственно в боях на восточном фронте Польши, у него было время, чтобы обдумать второй, связанный с предыдущим, вопрос: *Чем отличались разные виды человеческого поведения?* Почему мосты – построенные руками человека – обычно не обрушиваются, в то время как, более широкие социальные структуры, также построенные человеком, часто терпят неудачи?

Разглядывая центр Манхэттена, он, вероятно, смог сформулировать своё замешательство:

... Я смотрел на Нью-Йорк. Этот огромный город, кипящий, бурлящий жизнью... И я задал себе вопрос, как это происходит, с физической стороны, то, что я вижу на улице, на Бродвее. Я видел паразитов, этими паразитами были люди. Они были такими маленькими из-за большой высоты; трамвай казался гусеницей. ...Я был весьма заинтригован смотря на это. Я хорошо понимал, что каждый маленький человечек там внизу, был полон радости, печали, и чего-бы то ни было ещё. Кто сделал эту громадную штуку – Нью-Йорк? Эти паразиты её сделали. Я не получил ответ на вопрос о том, как люди, такие маленькие существа, с такой богатой личной жизнью, как, чёрт возьми, они смогли сделать такую штуку как Нью-Йорк, Париж, войны, революции,...?⁴

Как мне кажется, вопросы Коржибски важны до сих пор. Почти 50 лет спустя, в квартале от Вулворт Билдинг, началось строительство комплекса всемирного торгового центра. Когда строительство закончилось в 1973 году, знаменитые башни-близнецы, на некоторое время стали самыми высокими строениями в мире, ‘созданными человеком’, в то время как Вулворт Билдинг утратил этот титул. Маленькие человечки сделали их. Башни продолжали стоять до 11го сентября 2001 года, когда они стали смертельными ловушками для трёх тысяч человек. Сегодня больше нельзя подняться на вершину Вулворт Билдинг; туристов туда не допускают по причинам безопасности. Но если бы вы могли с него посмотреть вниз на юго-запад, вы бы увидели место, где стояли эти башни; теперь там мемориал. Это тоже сделали маленькие человечки. Как, чёрт возьми, они могли такое сделать?

Весной 1920 года, на ферме свояченицы за городом Канзас шт. Миссури, Коржибски размышлял над своими вопросами и печатал первый черновик, того, что впоследствии стало его первой книгой, *Manhood of Humanity (Зрелость Человечества)*. Однажды ночью он проснулся с ответом, который пришёл к нему во сне:

‘Мы можем передавать из поколения в поколение’ [курсив мой –БК]. ... У меня не было термина ‘время-связывание’ на тот момент. Потребовался день, [возможно] два или три – нужен был ярлык. Затем я выработал терминологию. Мы можем передавать – делаем мы это или нет – теории, религию, табу – в некоторых племенах отрезают головы; это способ остановить время-связывание, который прост и эффективен.⁵

Сформулировав время-связывание, Коржибски получил ясный, общий ответ на свой первый вопрос. То, что отличает нас от других форм жизни, относится к нашей характерной способности использовать язык и другие символизмы. Мы можем учиться на нашем опыте и на опыте других способами, которыми это, по-видимому, не могут делать животные. Вместе мы можем формировать культуры и, с более широкой временной перспективы, каждое

⁴ Коржибски *Одна из Биографий*, с. 123 [в оригинале]

⁵ Там же., с. 124

поколение имеет потенциал начать там, где остановилось предыдущее поколение и таким образом аккумулировать полезные знания с постоянно нарастающими темпами. Таким образом, понятие время-связывания, с общей точки зрения, предоставляет стандарт для понимания индивидуального и группового поведения.

Понятие время-связывания также дало Коржибски общий ответ на его второй вопрос об отличиях в разных видах человеческой деятельности. В книге *Manhood of Humanity*, опубликованной в 1921 году, он высказал идею о том, что люди, по большей части, не реализовывали адекватно свой время-связующий потенциал. В математике, точных науках и технологии время-связывание, по-видимому, работало относительно хорошо – в остальных областях жизни, не особо хорошо. Грубыми формулами и графиками, он спрогнозировал, что растущее неравенство в темпах ‘прогресса’ время-связывания между разными областями (теми, которые следуют более ‘научным’, более осознанно время-связующим стандартам и теми, которые это не делают) приведёт к большим возможностям и большим общественным бардакам.

На протяжении остатка своей жизни он продолжал исследовать причины этого неравенства и фокусировался на методах, которыми можно его уменьшить. В большей степени, для него это сводилось к исследованию эпистемологии – изучению того, каким образом мы знаем о том, о чём мы говорим, что знаем в науке и остальной жизни. Ещё 12 лет Коржибски изучал широкий спектр дисциплин от физики до психиатрии, сравнивая способы ‘мышления’ учёных и математиков (среди прочих), когда они работают максимально эффективно (в пределах своих возможностей) со способами мышления, которые они и другие люди задействуют большую часть остального времени.

Коржибски пришёл к видению, что унаследованный мир мысли в основе наук и остальной Западной культуры зашёл в тупик. Развития в науке и математике, процессуальный мир отношений, который они открыли и динамическое общество, которое они помогли создать за счёт технического прогресса, больше не имели адекватного основания в мировоззрении и связанной с ним методологией Аристотеля и его последователей. Коржибски формулировал новую операционную систему – не-аристотелеву версию фундамента знаний человека, которую он называл “актуальной эпистемологией”⁶ для науки и общей культуры. Для него это не было вопросом ‘философии’; он считал, что его эпистемологически-сфокусированная работа – синтезирующая актуальные знания на текущий момент и приводящая к проверяемым утверждениям – заслуживала называться “научной”.

Эпистемология Коржибски включала ‘мышление’ по-другому о ‘мышлении’, которое он рассматривал как неврологический процесс, не отдельный от того, что мы называем ‘ощущением’, в человеческом организме-как-целом-в-среде. Рассматривая методы ‘мышления’-‘ощущения’, которые он называл *оценкой*, он пришёл к исследованию в областях психиатрии и душевного здоровья. С 1925 по 1926, он учился в больнице Святой Елизаветы, государственной “Больнице для душевнобольных” в Вашингтоне О.К. под руководством своего друга, доктора Уильяма Алансона Уайта, директора больницы. Сведение

⁶ *Science and Sanity*, с. 554

вопросов, которые едва ли кто сводил до этого – математические методы и психиатрию, науку и здравомыслие – создали уникальную точку зрения. Вот, что написал профессор Гарвардской Бизнес Школы, Фритц Ротлисбергер, о периоде, в который Коржибски проводил свои исследования:

...был существенный интерес к сравнению того, как мыслит ребёнок (Пиаже) с тем, как мыслит первобытный человек (Леви-Брюль) и тем, как мыслит невротик (Фрейд). Сравнить то, как мыслит математик (Рассел и Уайтхэд) с тем, как мыслит невротик (психиатрия) мог либо гений, либо ненормальный. Коржибски был таким человеком.⁷

Для Коржибски теории было недостаточно. Упор в практику решения проблем всегда играл центральную роль в разработке его теорий. Он хотел избавиться от человеческой глупости, улучшив человеческое ‘мышление’. Из этого нового мировоззрения и актуальной эпистемологии, Коржибски вывел методологию, чтобы помочь людям *экстенционализироваться* – то есть мыслить более ‘фактически’ о себе и своих проблемах. Эта методология достаточно проста, чтобы преподавать её детям. (Проста не означает легка, особенно в обучении взрослых.) Его *прикладная эпистемология*, известная как ‘общая семантика’ представляет основную часть его наследия.

Коржибски начал преподавать свою практическую теорию до того как его вторая книга, *Science and Sanity*, была опубликована в 1933 году. К тому моменту, он закончил заниматься теорией и поставил в приоритет применение, чтобы узнать насколько эффективно и для кого его методы работали. Он давал лекции и преподавал в различных учреждениях, а затем начал вести семинары в Институте Общей Семантики, который он основал в Чикаго с несколькими студентами в 1938 году.

К моменту его смерти, 1го марта 1950 года, влияние и репутация Коржибски достигла высокой отметки; его признали во многих областях и кругах общества. Он был принят в Американскую Ассоциацию Содействия Науки и в Американское Математическое Общество, а его работой интересовались и уважали многие в научном сообществе. Он работал с тысячами студентов, как на семинарах, так и на индивидуальных занятиях. Было продано около 20.000 копий книги *Science and Sanity*, в трёх изданиях, с момента выхода первого тиража, за 17 лет до этого. Было написано множество книг и статей, которые популяризовали его работу и применяли её к широкому многообразию проблем в различных областях исследований. Им также интересовались в СМИ. Журнал *Time* опубликовал, по меньшей мере, четыре разных статьи о нём с 1938 по 1949 годы. О его смерти написали в некрологе *New York Times*. Многие выразили скорбь утраты, и среди этих людей были не только близкие друзья и студенты. В издании *American Journal of Psychiatry* 1950 года был опубликован следующий комментарий: “Смерть этого великого учителя... заставляет глубже ценить его значительный вклад в человеческое понимание, на индивидуальном, социальном и международном уровне”.⁸

Он и его коллеги в Институте сделали этот вклад в весьма суровых условиях, при серьёзной нехватке денег и персонала. Он не могли посвящать своё время и тратить энергию на развитие результатов этой методологии в той мере, в которой они хотели. Возможно, если бы он прожил всего на несколько лет дольше, они смогли бы закрепить его репутацию, получить достаточное

⁷ Коржибски *Одна из Биографий*, с. 429 [в оригинале]

⁸ Коржибски *Одна из Биографий*, с. 21 [в оригинале]

финансирование и более стабильно поддерживать его работу. Но этого не случилось.

К настоящему

За 61 год после смерти Коржибски, его работа стала предметом интереса лишь для небольшого числа индивидуумов и групп по всему миру. Такая малая аудитория создаёт ложное представление о том, насколько значительным было влияние ОС в различных областях, чего многие не замечали. Например, физик Ричард Фейнман определил науку с точки зрения время-связывания, но не знал, что за формулировку был ответственен Коржибски.⁹ ОС не удалось добиться широкого признания, на которое Коржибски, его коллеги и другие, как я, надеялись. Вместо этого, его работа была сдвинута на периферию культуры. Для того чтобы представить всесторонний анализ причин, по которым так получилось, не хватит времени, но я бы хотел привести несколько факторов, которые стоит учесть.

Даже за время его жизни, некоторым людям было сложно привыкнуть к житейским манерам Коржибски и прямоте, иной раз, резкости в изъяснении. Из-за того, что у него была лишь специализация в инженерии, некоторые люди были склонны считать его знания по множеству предметов фиктивными, высоту его целей и широкий спектр интересов – высокомерием, его заявление о том что он сформулировал первую – известную ему – не-аристотелеву систему – нелепым, а его заявление о том, что он разработал практическую методологию, которая могла бы помочь понять и решить “разногласия между двумя любовниками, двумя математиками, двумя народами, двумя экономическими системами, [и т.д.]...”¹⁰ – абсурдом. Были распространены небрежные интерпретации его лекций и письменных трудов, которые путали его принятие всех человеческих знаний “в пределах его перспективы” – что справедливо для работника в эпистемологии – с “принятием всех знаний в его компетенции”, на что он никогда не претендовал. Коржибски часто говорил: “Я говорю то, что говорю. Я не говорю то, что не говорю”. Он также повторял, что ‘не предлагал панацей’, но многие люди всё таки делали вывод, какой сделал один из его студентов, который сказал ему: “Вы, похоже, утверждаете, что каждую человеческую проблему можно решить общей семантикой”. Коржибски ответил: “Всё, что я говорю – ограничено, ограничено, ограничено!”¹¹

Трудности Коржибски не заканчивались на людях, которые, как например, скептик Мартин Гарднэр, отвергали его работу, не изучив её в достаточной мере.¹² Разногласия возникали и с некоторыми из его студентов. Первым из таких был конфликт с С. И. Хаякава. В связи с тем, что я совсем недавно получил относительно новую “Книжную Премию С. И. Хаякава”, я немного волнуюсь по поводу того, что собираюсь сказать, но я всё же скажу. Применяя работу Коржибски к ограниченной области изучения английского языка, Хаякава свёл ОС к лингвистической / философской ветви, хотя и важной для него, семантики. Тем самым он усугубил путаницу, которая возникла из-за того, какие Коржибски выбрал термины для своего исследования человеческой

⁹ Feynman, http://www.fotuva.org/feynman/what_is_science.html

¹⁰ *Science and Sanity*, с. 761

¹¹ *Коржибски Одна из Биографий*, с. 569 [в оригинале]

¹² См. "[Во Имя Скептицизма: Заблуждения Мартина Гарднэра об Общей Семантике](http://tiny.cc/aj6nw)" Оригинал статьи – в журнале *General Semantics Bulletin*, номер 71, 2004 (<http://tiny.cc/aj6nw>) и “Contra Max Black: An Examination of Critiques of General Semantics” в *General Semantics Bulletin*, номер 64, 1997 (<http://tiny.cc/1l05j>).

оценки. Общая семантика конечно же включает, но не ограничивается вопросами о лингвистических 'значениях'. Разногласия между Хаякава и Коржибски, которые я подробно раскрыл в книге *Коржибски Одна из Биографий*, привели к разрывам отношений в сообществе ОС, которые серьёзно беспокоили Коржибски, и сохранялись долго после его смерти. Какими бы ни были недостатки в том, как Хаякава представлял работу Коржибски, его талант писателя и редактора обеспечил ему известность как представителю от ОС или, как он её называл, 'семантики'.¹³ Хаякава многие годы был редактором журнала *ETC: A Review of General Semantics* (который тогда публиковало Международное Общество Общей Семантики). Под его влиянием, Общество – независимая организация, основанная в 1942 году некоторыми из студентов Коржибски, чтобы продвигать его работу и помогать собирать средства для Института – стало, в некотором роде конкурентом Института. С 1950 до 2003, когда Общество слилось с Институтом, эти две организации, в целом, представляли два разных подхода к ОС. В Обществе – даже после того как Хаякава ушёл с поста редактора *ETC.* – были склонны упрощать ОС таким способом, который – мягко говоря – не всегда адекватно представлял более широкие цели и подход Коржибски.

Например, Нил Постман, социолог и редактор *ETC.* С 1976 по 1986, продолжал традицию Хаякавы, хотя и казалось, что он пытался от неё отойти. В своей книге *Conscientious Objections*, в эссе под названием "Альфред Коржибски" (из которого я цитировал выше) он написал следующее: "Мысль Коржибски была грандиозной в том, что он считал, что все знания были в его компетенции [с. 138]...и в связи с этим широта его кругозора превосходила его понимание [с. 145]." Как и в случае Хаякава, многие люди считали, что Постман знал намного больше о Коржибски и его работе, чем он знал на деле. К сожалению, как и Хаякава, Постман, по-видимому, тоже так считал.

Незадолго до начала последнего десятилетия, Институт Общей Семантики держался ближе к корням учения Коржибски, передавая его богатое наследие многостороннего подхода изданиями журнала *General Semantics Bulletin*, информационного бюллетеня *Time Bindings*, и многих книг, включая одну из самых важных – первое издание *Collected Writings* (*Собрание Письменных Трудов* Коржибски), опубликованное в начале 1990х. Институт также сохранял регулярную образовательную программу, включая, по меньшей мере, один ежегодный семинар, курс для преподавателей и магистратуру по *Науке и Здравомыслию*, а также курсы по ОС и философии для выпускников и ОС в истории науки. Не смотря на постоянные финансовые проблемы и недостаток персонала, программы такого рода продолжались первую часть последнего десятилетия, больше 50 лет после смерти Коржибски – выдающееся достижение для автономной организации без институциональной сети.

В будущее

В 2011 году большая часть наследия Коржибски скрыта и недоиспользована. Например, как много людей знает, сколько исследований, связанных с ОС было проведено за последние 70 лет? (Эти исследования задокументированы в различных письменных работах моего друга и учителя, Кеннета Джонсона).¹⁴

¹³ Я подробно разобрал проблемы в работе Хаякава в своей книге *Коржибски Одна из Биографий* и в статье "[Вниз по Лестнице Хаякавы](#)". Оригинал – по ссылке <http://tiny.cc/472yк> и в журнале *General Semantics Bulletin*, номер 57, 1993.

¹⁴ См. *Research Designs in General Semantics*, Gordon and Breach, 1974 и *Graduate Research in General Semantics*, Институт Общей Семантики, 1985, обновлено в 1992 – обе книги редактированы Кеном. Также см. его статьи

Сколько ещё исследований можно ожидать, если уже имеющиеся знания остаются почти или совсем недоступными? Каковы перспективы дальнейших исследований, разработок и образования в ОС, если мы не знаем и не пользуемся тем, что уже имеется?

В этом году институту исполнилось 73 года. На протяжении его истории, институту пришлось нелегко, но ему удалось дожить до сегодня – *поразительно*. Однако институт уже не тот, что был. Последние десять лет казались особенно тяжёлыми. За это время институт переезжал четыре раза (или больше, в зависимости от того, как считать), сменилось три разных исполнительных директоров (и на данный момент этот пост никто не занимает), и умерло несколько давних ценных сотрудников. В институте уже несколько лет не проводился традиционный семинар. Ценные материалы из архивов оказались разбросанными по разным местам или потерялись. Мне не известно, сколько участников сейчас в институте или каковы доходы, но я бы не удивился, что эти показатели снизились. Издательство Института (включая интернет-ресурсы) видится более активным, однако не без проблем и точно не без иронии. Иронии также предостаточно в том, что издание *General Semantics Bulletin* – которое изначально публиковали в 1950 в качестве строгого противовеса для тогда изрядно разбавленной ‘семантики’ в журнале *ETC.* – перестали издавать, а между тем *ETC.* стал главным периодическим изданием Института. Было бы весьма иронично если бы культура Общества вместе с ‘семантикой’ Хаякава превалировала, в то время как Международное Общество Общей Семантики – которое уже не могло выжить финансово – было поглощено Институтом в 2003 году. Название награды от Института за книгу, которую начали давать в 2009, “Награда С. И. Хаякава за книгу”, намекает на это. (Я должен признать, что три книги, за которые выдали награды, – *The Hidden Side of Babel: Unveiling Cognition, Intelligence and Sense* Лоры Бертоун, *Graymanship: The Management of Organizational Imperfection* Боба Эдди и моя *Kozybski: A Biography* – действительно служат примерами соблюдения традиций ‘прежнего’ Института Общей Семантики.)

Вам когда-нибудь приходилось посещать веб-страницу со множеством нерабочих ссылок? Думаю, фраза ‘нерабочие ссылки’¹⁵ обобщает немалую часть проблем Института; проблем с которыми приходится иметь дело – независимо от того, понимают они это или нет – любому, кто искренне хочет продвигать и развивать работу Коржибски. Основной симптом, среди тех, что я отметил, состоит в том, что связь Института с его традициями существенно нарушилась. Будто наступила некая организационная амнезия, в связи с которой источник вдохновения, который поддерживал Институт так долго, иссяк. Частично – и лишь частично – это произошло под влиянием факторов вне чьего-либо контроля: самых близких Коржибски студентов и коллег больше нет. Большинство из них были моими наставниками, Шарлот Шекарт Рид и её муж, Аллен Уокер Рид – оба умерли в 2002 году. Множество их студентов и коллег, которые внесли весомый вклад в образование и исследование в области ОС, умерли или ушли по другим причинам. Потерю вдохновения от их присутствия сложно недооценить.

“Korzijskian Models for Research”, в *Research Designs in general Semantics*; “Theoretical Structure for Research in General Semantics”, *General Semantics Bulletin*, Номер 51, 1984 и “What Research Tells Us About the Effects of General Semantics Teaching”, *General Semantics Bulletin*, Номер 53, 1985.

¹⁵ ‘lost links’ – *дословно* ‘потерянные связи’

Институт многие годы служил центром изучения и образования в области ОС_{по-Коржибски}. Есть ли у него возможность возродиться для эффективного продвижения и развития наследия Коржибски в эру интернета? Я не знаю. Восход эры электронной информации показывает пример того, что Коржибски спрогнозировал в 1921 году в книге *Manhood of Humanity*, а также то, что подкрепляют исследования Шери Тёркл: что быстрый рост развития технологий и связанные с ним социо-культурные перемены будут бросать всё более сложные вызовы способностям людей налаживать отношения между собой. Я убеждён в том, что наследие Коржибски, оценочная система, которую он сформулировал и на которой строились другие, предоставляет средства для того чтобы иметь дело с этими новыми вызовами. В свою очередь, новые технологии предоставляют инструменты и возможности для тех из нас, кто хочет передавать наследие.

В целом, в Институте или где-либо ещё, нести его в будущее предстоит тем, для кого оно достаточно важно. Слов недостаточно. Необходимо пристрастие. Необходимы действия. Необходимо задавать сложные вопросы, чтобы выйти за пределы зоны комфорта того, что нам кажется мы знаем. То, чему Коржибски учил, постепенно покрылось мраком из-за регулярных ошибок, допускаемых никудышными, но влиятельными критиками и студентами, которые неправильно понимали и применяли работу, которую сегодня почти никто не читает и понимает лишь поверхностно. Праздной болтовни *об этом* недостаточно. Для того чтобы адекватно передавать наследие, нам необходимо изучать больше и делать больше, и изучение и действие должны продвигаться вместе.

Мой близкий друг, Гомер Дж. Мур мл., относительно неизвестный, но важный сотрудник Института, который был преподавателем, когда я был наиболее вовлечён в работу Института (приблизительно с 1979 по 2004), называл себя “практикующим студентом”, не смотря на то, что он добился продвинутого уровня как учёный и преподаватель дисциплины. Какой практикующий студент вы? Ваша уверенность в знании и понимании ОС оправдана? Кто из вас тщательно изучал такие работы как *Manhood of Humanity*, *Science and Sanity*, *Korzybski's Collected Writings*? Кто из вас тщательно изучал работу наиболее важных продолжателей традиций Коржибски? Кто из вас знает, кем они были? Без адекватного знания традиции, как её можно применять? И если вы не применяете, не усваиваете и не используете эту дисциплину в своей жизни, как вы можете адекватно понять теорию, её диапазон и её ограничения?

Я не говорю о слепом следовании вероучению. Правильно понятая, не-аристотелева традиция, которую начал Коржибски не должна создавать запретов, препятствующих инновации. Однако если вы хотите *строить* на фундаменте Коржибски, этой традиции стоит доверять. Помните цитату Коржибски, с которой я начал – “изучайте автора”? Я написал *Коржибски Одна из Биографий*, чтобы дать осмыслить ценность ОС, показав жизненную борьбу Коржибски и его коллег (включая его жену Миру) в их работе над искоренением человеческой глупости. Я убеждён, что сокровища прошлого Коржибски, запрятанные и похороненные, дают ключи к дверям будущих возможностей, и возможно, к другим сокровищам, спрятым внутри нас. Я упомянул несколько факторов, ответственных за то, что наследие скрыто. И вот мы здесь. А наследие, как полу-захороненное сокровище, всё ещё можно

открыть, и сделать это могут те практикующие студенты, у которых хватает пристрастия, чтобы усердно его искать, изучать, применять и жить им.